

Вацлав Воровский

О М. Горьком

Вацлав Воровский
О М. Горьком

«Public Domain»

1902

Воровский В. В.

О М. Горьком / В. В. Воровский — «Public Domain», 1902

«Тяжела подчас бывает доля руководителей „солидного“ органа, рассчитанного на читателей из „порядочного“ общества. Жизнь вращается по своим собственным законам, не всегда согласным с формулой „солидных“ органов, и поворачивается к читателям их нередко такой стороной, что „солидные“ органы только руками разводят от недоумения. А наивный читатель с навязчивостью *enfant terrible*'а пристаёт с вопросами: „Папа, а это что?“ Волей-неволей приходится допускать на страницах органа обсуждение таких вопросов, о которых и думать бы не хотелось... В такое тяжелое положение был недавно поставлен самый „солидный“ из наших журналов — „Вестник Европы“...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Вацлав Воровский О М. Горьком

I

Тяжела подчас бывает доля руководителей «солидного» органа, рассчитанного на читателей из «порядочного» общества. Жизнь возвращается по своим собственным законам, не всегда согласным с формулой «солидных» органов, и поворачивается к читателям их нередко такой стороной, что «солидные» органы только руками разводят от недоумения. А наивный читатель с навязчивостью *enfant terrible*¹ пристаёт с вопросами: «Папа, а это что?» Волею-неволей приходится допускать на страницах органа обсуждение таких вопросов, о которых и думать бы не хотелось... В такое тяжелое положение был недавно поставлен самый «солидный» из наших журналов – «Вестник Европы».

Вот уже около десяти лет, как в русской художественной литературе появилась новая личность и заняла в ней прочное положение. Сначала в провинциальных изданиях, потом и в столичных, сперва изредка, потом все чаще, начали появляться рассказы, подписанные скромным псевдонимом «М. Горький». Обаяние этих рассказов, дышавших свежестью весны, усиленное еще исключительными обстоятельствами жизни автора, завоевало для него прочные симпатии читающей публики и поставило его наряду с первоклассными литературными силами современности. Постоянное сотрудничество автора в периодической печати, а также четыре издания его рассказов, следовавшие в короткий промежуток последнего трехлетия, – все это давно определило отношение к автору разных групп русского общества и их органов. Только один орган, пользующийся известным авторитетом, упорно молчал до сих пор о новом явлении: это был «Вестник Европы».

Но где же кроется причина такого пренебрежительного отношения? Читатели, знающие литературную и общественную физиономию «Вестника Европы», легко поймут секрет нерасположения его к г-ну Горькому, если представят себе, что такое наш автор и его герои, – по крайней мере, что такое они с точки зрения «Вестника Европы». В приличный, корректный салон «Вестника Европы» г-н Горький впустил «особый мир героев силы и смелости, вернее, наглости, натур решительных и цельных, не знающих противоречий теории и практики жизни. И сам по себе М. Горький представляет эффектную фигуру, не стыдась, а скорее гордясь своим прошлым уличного бродяги, торговца яблоками и квасом баварским. Еще вчера сам отверженный от общества, он ввел с собой целую армию таких же отверженных, но притом отверженных бесповоротно, – воров, убийц, профессиональных разбойников и грабителей, развратников, неисправимых пьяниц, отъявленных наглецов, и не только *не выразил при этом чувства брезгливости или отвращения*, но с увлекательною художественностью, *даже с упоением*, начал рассказывать о той грязи, в которой они живут, и о том, что творится у них в уме и сердце от этой преступной и смрадной во всех смыслах жизни».

Не правда ли, ясно? Нельзя же требовать от охранителей устоев порядка, чтобы они вводили в общество своих подписчиков весь этот сброд или хотя бы автора его, который представляется корректному журналу лишь *primus inter pares*² среди этого сброда. Действительно, представьте себе нашего автора рассказывающим в избранном обществе читателей «Вестника Европы» «скверные анекдоты» из той эпохи своей жизни, когда он был «уличным бродягой» и торговал «яблоками и квасом баварским»!!

¹ ужасный ребенок (*фр.*)

² первый среди равных (*лат.*)

Однако трудно бороться с течением. «Легкомысленность» публики давно отметила автора всех этих «убийц, воров и пр.» и «вознесла» его даже на высоту, «еще, быть может, далеко им не заслуженную», по словам г-на Ляцкого (стр. 274). Пока он стоит на этой высоте, он слишком заметен, даже для читателей «Вестника Европы», – заметен, несмотря на упорную попытку закрыть его молчанием тридцатилетнего «солидного» органа. Волей-неволей приходится *faire la bonne mine au mauvais jeu*³ и заговорить о неприятном человеке. И вот неблагодарная и трудная задача, – представить г-на Горького и его «сброд» читателям «Вестника Европы», – выпадает на долю г-на Ляцкого. Г-н Ляцкий, ничтоже сумняся, берется за этот искус и – выполняет его, надо признаться, блистательно.

Сколько неприятностей пришлось перенести почтенному критику, читатель легко себе представит. «Все эти Челкаши, Обьедки, Кувалды, Кубари, Тяпы, Пиляи, – жалуется г-н Ляцкий, – пришли с М. Горьким и без всякого смущения расселись в гостиных и кабинетах „мыслящих“ и „читающих“ интеллигентов (т. е. у г-на Ляцкого), нисколько не заботясь о принесенном с собой запахе трупов и винного перегара» (стр. 287). Г-н Ляцкий, собственно говоря, ничего не имеет против этих бедных людей. Он даже любит народ. Правда, он любит тот народ, который «создал замечательную народную поэзию, эпос с его идеалами свободной, но гуманной силы, сказки и пословицы, проникнутые идеей торжества правды и добра на земле, и т. д.» (стр. 292); но он гуманен, потому что человеку, «причастному к литературе Пушкина, Тургенева, Льва Толстого», нельзя быть негуманным (стр. 285), он готов снизойти к этим пролетариям, он даже в состоянии «невольно залюбоваться ими, раскинувшись в комфортабельном кресле своего кабинета» (стр. 293), но – увы – «не мольбой об участии и подаянии зазвучали их речи, но гордостью независимости, едкой насмешкой людей, прошедших огонь, воду и медные трубы». После такого афронта оставалось только отбросить всякую сентиментальность и взяться за дело. И г-н Ляцкий взялся очень просто. Он вырезал своего рода морально-общественный шаблон, руководствуясь формулой, что для «развития нашего самопросветления» «нужным и важным деятелем» является только «писатель-гуманист» (стр. 285); объяснение же слова «гуманист» смотри в моральных прописях. Под эту морально-общественную марку г-н Ляцкий подводит по очереди всех своих посетителей из «сброда» г-на Горького и тут же сортирует их: подошел – хорошо, становись направо; не подошел – с Богом. Благодаря этой сортировке число допущенных в порядочное общество героев г-на Горького сошло почти на нет. По имеющимся у нас двум спискам (стр. 289 и 300), кроме автора, допущены: Кирилка, супруги Орловы, Мальва со своими поклонниками, пекаря из «Двадцать шесть и одна» и Наташа из «Однажды осенью». Они составляют, так сказать, издание М. Горького для благородных девиц.

Но и отверженных не оставил г-н Ляцкий на произвол судьбы. Он подзывает Коновалова и Тихона (из рассказа «Тоска»). «Инстинктом Коновалов чувствует, – говорит он, – в чем заключается эта „штука“, которой у него, бедного, нет, и он тянется к ней, как утопающий к берегу, еле видному за туманом. *В знании, в грамоте* „штука“, эта для всех Коноваловых...»⁴ – восклицает г-н Ляцкий, перефразируя известную пословицу об учении-свете из того же сборника прописей. После этого он отпускает всех забракованных, снабдив их на дорогу изданиями «Посредника». В добрый час, г-н Ляцкий, им это хоть на папироски пригодится!

Отпустив неприятных посетителей, г-н Ляцкий отворяет дверь в залу, где уже собрались читатели «Вестника Европы», и начинает публичный суд над главным виновником – г-ном Горьким. У г-на Ляцкого сильны прокурорские наклонности, и он прибегает к самым

³ делать хорошую мину при плохой игре (*фр.*)

⁴ Просто и ясно, и нечего голову ломать!

разнообразным средствам, чтобы вызвать раскаяние у подсудимого. В первую минуту он хочет огорошить его и, что называется, сразу берет быка за рога:

– А помните ли, г-н Горький, как вы однажды осенью воровали с голодной проституткой хлеб из ларя? – начинает г-н Ляцкий «с поразительной откровенностью» (стр. 287 – 288). Скомпрометировав сразу нашего автора в глазах своей аудитории обвинением в подкапывании главного устоя – собственности, г-н Ляцкий переходит к другим пунктам:

– Вы подрывали великий принцип *свободы*, смешивая его с понятием бродяжеской, беспаспортной жизни. Вы ставили задачей людей *жить для свободы* вместо *свободно жить* (стр. 294 – 295). Да и вообще не понимаю, зачем вы говорили вашим босякам о свободе? «Где свобода есть на самом деле, там о ней не говорят, не замечают ее, как не замечают чистого воздуха люди со здоровыми легкими» (стр. 295). Так о чем же тут толковать?

– Вы подрывали великий принцип *труда*, заставляя Орлова уйти в конце концов в босяки, вместо того чтобы честно работать сапоги на порядочных людей. Для нас это и психологически нелепо. «Кто прозрел, тот не пойдет в босяки, да еще с ремеслом в руках и привычкой к труду».

– Вы унизили *деревню и народ* – эти основы всякого благоустроенного общества. Конечно, обстоятельства вашей жизни не дали вам возможности узнать деревню и, если не полюбить, то хоть понять ее, – оттого вам в деревне «невыносимо тошно и грустно»... Но ваши герои – «это народ особый, отверженный или, *точнее*, сам себя отвергнувший (sic!)⁵ от своих собратьев, хищный, озлобленный бессмысленной злобой голодного волка, по-волчьи рассуждающий и думающий (?), и потому мирозерцание его стало волчьим по существу и, как таковое, не может быть сравниваемо без ущерба для здравого смысла с истинно-народным, в котором темною мыслью руководит глубоко-человечное чувство»⁶. Поскольку вы, г-н Горький, признаете себя «солидарным с мирозерцанием своих героев, постольку вы, если можно так выразиться, *антинароден*».

После этого рода тяжких обвинений г-н Ляцкий несколько смягчает голос и начинает говорить с укором.

– Вы совершенно непозволительно отнеслись к нам, к интеллигенции... В детстве и юности, «в то время, как ваши товарищи *только* (!)⁷ воровали, пили, безобразничали» и т. д., вы (между прочим?) «читали разные книжки и т. п.»; а кто писал эти книжки? Мы, интеллигенция! Впоследствии мы с восторгом раскрыли вам свои объятия, а вы отнеслись к нам высокомерно. Мы приняли вас в свой круг, вы назвали нас, интеллигенцию, дряблой, эгоистичной, фальшивой. Ведь мы же помогли вам «путем бесед с интеллигентными людьми и книжек, созданных ими же, выделиться из среды босяков и сознать своеобразные черты их внешнего и внутреннего быта – черты, которых вы наверное бы не заметили, если бы жили одной с ними жизнью (!). Словом, интеллигенции, после вашего таланта, вы обязаны своим образованием интеллигента-художника» (стр. 297). А вы... нехорошо, нехорошо, г-н Горький!

⁵ Что-то вроде гоголевской унтер-офицерши!

⁶ Как видите, не одного г-на Горького, но и весь мир г-н Ляцкий оценивает с точки зрения прописной морали.

⁷ Это наивное «только» переходит все границы литературных приличий!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.